

Золушка 2.0:

Лишний принц в хрустальной карете

Сергей Галактионов

Сергей Галактионов

**Золушка 2.0: Лишний
принц в хрустальной карете**

«Автор»

2026

Галактионов С. В.

Золушка 2.0: Лишний принц в хрустальной карете /
С. В. Галактионов — «Автор», 2026

Марина спасла ребенка, но потеряла жизнь, чтобы получить шанс... в тринадцатом веке. Теперь она Изабелла фон Астли, и её «долго и счастливо» истекает через две недели под стенами осажденного замка. Чтобы не погибнуть, ей придется сменить шелка на рабочую шерсть и заставить всё королевство играть по её правилам. Но как сосредоточиться на фортификации, когда личная жизнь превращается в поле боя?

© Галактионов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дебет жизни и кредит смерти	5
Глава 2. Инвентаризация хаоса и аромат гнилого овса	8
Глава 3. Арсенал пустых обещаний и полные бочки смолы	13
Глава 4. Волчьи ямы и первый урок фехтования	18
Глава 5. Яд в бархатных перчатках и мыло из пепла	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Галактионов

Золушка 2.0: Лишний принц в хрустальной карете

Глава 1. Дебет жизни и кредит смерти

Смерть была похожа на плохо составленный годовой отчет: внезапная, нелогичная и оставляющая после себя кучу нерешенных вопросов. Последним, что я запомнила из своей тридцатипятилетней жизни, был визг тормозов фургона и испуганное лицо ребенка, которого я успела вытолкнуть с пешеходного перехода. А потом — темнота, тишина и странное ощущение, будто меня запихнули в слишком тесный чемодан.

Очнулась я от жуткой боли в ребрах.

— Леди Изабелла! Дышите, умоляю, дышите! — голос был хриплым, женским и явно принадлежал кому-то очень напуганному.

Я попыталась открыть глаза, но веки казались свинцовыми. В нос ударил густой, тяжелый запах: смесь конского навоза, гари от факелов, немытых тел и чего-то едкого, напоминающего дешевый уксус. Где писк больничных мониторов? Где запах антисептиков?

Я сделала вдох и едва не лишилась чувств снова. Грудь была скована стальным обручем. Сердце колотилось где-то в горле.

— Режьте... — прохрипела я. Голос был не моим. Он был высоким, чистым и удивительно мелодичным, даже несмотря на хрип. — Режьте шнуровку...

— Но леди! Ваша мачеха сказала, что талия должна быть в ладонь, иначе принц не посмотрит...

— Если я сдохну, ему будет всё равно, какая у меня талия! — рявкнула я, и этот выплеск адреналина помог мне наконец распахнуть глаза.

Я находилась в комнате, которая выглядела как съемочная площадка исторического фильма с очень ограниченным бюджетом. Серые каменные стены, маленькое узкое окно без стекол, затянутое бычьим пузырем, и массивная кровать с балдахином, пахнущим пылью столетий.

Женщина в сером чепце, с трясущимися руками, чикнула коротким ножом по моей спине. Шнуровка лопнула. Корсет — это пыточное устройство из китового уса и грубого льна — ослаб. Я судорожно вздохнула, чувствуя, как кислород наконец поступает в мозг.

— Зеркало, — приказала я, садясь на кровати.

Служанка подала мне кусок отполированной бронзы. Я замерла.

Из мутного отражения на меня смотрела богиня. Золотисто-пепельные волосы, огромные глаза цвета грозового неба, кожа белая и гладкая, как дорогой фарфор. Это не была Марина, бухгалтер с вечным недосыпом и лишними пятнадцатью килограммами на бедрах. Это была Изабелла фон Астли. Девятнадцатилетняя красавица, чье имя я помнила из старого учебника истории, который читала в университете.

«Замок Астли, 1242 год, — всплыло в голове. — Пал после двухнедельной осады графа Монфора. Все защитники убиты, леди Изабелла выдана замуж за победителя и умерла через год от побоев».

Я посмотрела на свои тонкие, длинные пальцы.

— Какой сегодня день? — спросила я служанку.

— Четырнадцатый день после Пасхи, леди...

Я прикинула даты. Если мои знания истории верны, армия Монфора будет здесь через две недели. У меня есть четырнадцать дней, чтобы превратить этот декоративный склеп в неприступную крепость.

В дверь громко постучали. Не дожидаясь ответа, в комнату вошел мужчина. Высокий, широкоплечий, в потертом кожаном колете, на котором виднелись пятна ржавчины от доспеха. Его лицо было грубым, обветренным, со шрамом на подбородке. От него пахло честным солдатским потом, кислым элем и дождем.

— Леди Изабелла, — его голос был как скрежет камня по камню. — Ваш отец требует вас вниз. Принц Седрик прислал гонца. Он будет здесь к вечеру. И если вы снова начнете свои капризы по поводу цвета лент...

— Сэр Джулиан, я полагаю? — я перебила его, глядя прямо в глаза.

Он на мгновение замер. Видимо, старая Изабелла не знала имен наемников своего отца или не считала нужным их называть.

— Капитан наемников Астли к вашим услугам, — он иронично поклонился, но в глазах мелькнула настороженность. — Рад, что вы наконец-то выучили мое имя.

Я встала, игнорируя то, что на мне была только нижняя рубашка и полураспущенный корсет. Марина внутри меня знала: в бизнесе и на войне первый раунд выигрывает тот, кто ломает сценарий.

— Капитан, забудьте о лентах, — я подошла к нему вплотную. Ростом я была ему по плечо, но сейчас я чувствовала себя на голову выше. — Сколько у нас запаса зерна в амбарах? И когда в последний раз чистили колодец во внутреннем дворе?

Джулиан нахмурился, его густые брови сошлись на переносице.

— Зерна хватит на месяц, если не кормить лошадей. Колодец... какая вам разница? Вода из него пахнет болотом, мы пьем вино.

— Вы пьете вино, потому что вода заражена бактериями, которые вызывают дизентерию, — отрезала я. — Если Монфор возьмет нас в осаду, вы умрете не от стрел, а от поноса. Капитан, мне нужно, чтобы через час все ключи от складов были у меня. И велите повару прокипятить всю воду в замке. Всю.

Джулиан расхохотался. Это был сухой, неприятный смех человека, который видел слишком много глупых женщин.

— Бактерии? Дизентерия? Леди, вы перегрелись на солнце. Принц Седрик едет сюда, чтобы просить вашей руки и привезти помощь. Нам не нужна осада, нам нужно ваше согласие на брак.

— Принц Седрик едет сюда, чтобы проверить, стоит ли этот замок защиты, или проще отдать его Монфору в обмен на перемирие, — я сделала шаг еще ближе, так что почувствовала жар его тела. — У меня нет времени на танцы, Джулиан. Либо вы помогаете мне подготовить замок, либо через две недели ваша голова украсит пику над этими воротами.

Смех Джулиана оборвался. Он смотрел на меня так, будто я внезапно заговорила на языке драконов.

— Кто вы такая? — тихо спросил он. — Изабелла не знает слова «логистика». И она никогда не смотрела на меня так, будто хочет сосчитать количество заклепок на моем доспехе.

— Я та, кто собирается выжить, — ответила я. — Одевайся, Берта. Мы идем в подвалы. Нам нужно провести инвентаризацию.

Вечер принес с собой звон колоколов и пышную кавалькаду. Принц Седрик прибыл в Астли как воплощение рыцарской мечты: в голубом плаще, на белом коне, с улыбкой, которая должна была растапливать сердца.

Я стояла на ступенях замка рядом с отцом — бароном, который выглядел уставшим и сломленным человеком. Рядом с ним была мачеха, Элеонора, женщина с глазами холодной рыбы, которая уже мысленно продала меня принцу подороже.

Седрик спешил, подошел ко мне и взял мою руку. Его кожа была неестественно гладкой, а поцелуй, запечатленный на моих пальцах, казался мне липким.

— Моя прекрасная Изабелла, — прошептал он, заглядывая мне в глаза. — Разлука была невыносима. Вы стали еще... прозрачнее. Вам нужно больше отдыхать и меньше думать о суетном.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это был не холод страха, а ледяное спокойствие аудитора, поймавшего мошенника.

— Ваше Высочество, — я улыбнулась самой сладкой из своих новых улыбок. — Я отдыхала достаточно. Настолько, что успела заметить: ваш отряд привез с собой только парадные щиты, но ни одного обоза с провизией. Вы так уверены в быстром окончании войны?

Седрик на мгновение замер. Его хватка на моей руке стала чуть крепче — ровно настолько, чтобы это стало болезненным, но осталось незаметным для окружающих.

— Дорогая, — нежно сказал он, наклоняясь к моему уху. — Не забивайте свою прелестную головку делами, которые вас не касаются. Ваш удел — вдохновлять нас своей красотой. Пойдемте в зал, я привез вам в подарок тончайшее кружево из Брюгге. Оно скроет вашу... излишнюю бледность.

Это был первый звоночек. Седрик не собирался защищать замок. Он собирался «упаковать» меня и вывезти, оставив Астли на растерзание.

Я обернулась и встретила взглядом с Джулианом. Он стоял у колонны, скрестив руки на груди, и внимательно наблюдал за сценой. В его глазах не было восхищения принцем. В них была работающая мысль.

— Капитан! — крикнула я, перекрывая приветственные возгласы. — Завтра в шесть утра на крепостной стене. Нам нужно обсудить план укрепления надвратной башни.

Седрик недовольно нахмурился.

— Изабелла, это неуместно...

— Неуместно умирать от голода в шелках, Седрик, — отрезала я, высвобождая руку. — А теперь, прошу меня извинить. У меня назначена встреча с главным поваром. Мы будем обсуждать нормы выдачи зерна.

Я ушла, чувствуя на своей спине два взгляда. Один — ядовитый и властный от принца. Второй — колючий и заинтересованный от наемника.

Инвентаризация началась. И поверь мне, 13-й век, ты еще не видел, на что способна женщина, которая пять лет руководила отделом аудита в крупной строительной компании.

Глава 2. Инвентаризация хаоса и аромат гнилого овса

Утро в замке Астли начиналось с петухов. Не тех породистых красавцев, которых рисуют на книжных миниатюрах, а тощих, злобных тварей с облезлыми хвостами, чей крик был похож на предсмертный вопль грешника, которого заживо варят в котле. Один из них орал прямо под моим окном, и я подумала, что если выживу в этом веке, первым делом введу закон о тишине в утренние часы.

Я поднялась затемно. Сна не было ни в одном глазу. Мозг, привыкший к шестнадцатичасовым рабочим дням в отчетный период, работал на полную мощность, перемалывая информацию, собранную накануне. Я сидела на жесткой кровати, кутаясь в грубое шерстяное одеяло, от которого чесалась кожа, и при свете сальной свечи, чадившей так, что глаза слезились, составляла список.

Список был длинным. И безрадостным.

Я вспомнила, как в прошлой жизни, когда мне поручили аудит обанкротившейся строительной фирмы «ГрандСтрой», я зашла в их офис и увидела на столе директора три пустые бутылки коньяка и икону святого Николая, заляпанную кетчупом. Тогда я поняла, что дело безнадежно. Замок Астли вызывал у меня те же чувства, только вместо коньяка здесь было прокисшее вино, а вместо иконы — дырявый гобелен с охотничьей сценой, на котором у оленя было шесть ног.

— Берта! — позвала я.

Служанка появилась мгновенно, будто спала за дверью. Впрочем, она действительно спала за дверью — на тонкой соломенной подстилке, брошенной прямо на каменный пол. Это было первое, что мне предстояло изменить.

— Мне нужна одежда, в которой можно работать, — сказала я. — Не шелк, не парча. Что-нибудь из плотной шерсти. И обувь на толстой подошве. Мы идем в подвалы, на кухню, в конюшни и на стены.

— Леди, но это одежда прислуги... — Берта округлила глаза.

— Берта, через две недели здесь будет армия, которой плевать, кто в шелках, а кто в мешковине. Одевай меня.

Она нашла мне платье из темного сукна, грубое, но удобное. Я подвязала юбку повыше, чтобы не путалась в ногах, и обула башмаки, которые явно принадлежали какому-то конюху. Они были велики, пахли навозом и сыромятной кожей, но в них можно было ходить по грязи, не рискуя сломать шею.

Первым пунктом в моем списке стояли амбары.

Дорога туда пролегла через внутренний двор, который в утренних сумерках выглядел как декорация к фильму ужасов. Серые стены, покрытые зеленоватым лишайником, лужи мутной воды, в которых отражались кривые силуэты хозяйственных построек. Пахло сыростью, конским навозом и дымом из кухни, где уже начинали разогревать вчерашнюю похлебку.

У колодца стояла группа солдат. Они черпали воду кожаными ведрами и пили прямо из них, утирая рты грязными рукавами. Я остановилась.

— Стоять! — мой голос прозвучал так резко, что один из солдат поперхнулся и выронил ведро. — Кто-нибудь из вас знает, что находится на дне этого колодца?

Солдаты переглянулись. Это были крепкие мужики с обветренными лицами и мозолистыми руками, привыкшие подчиняться грубой силе, а не хрупким девицам в конюшенных башмаках.

— Вода, леди, — хмыкнул один, самый здоровый, с рыжей бородой. — Что ж еще?

— А еще — дохлые крысы, птичий помет и всё, что стекает сюда со двора во время дождя, — я подошла к колодцу и заглянула внутрь. Запах подтвердил мои опасения: затхлый, с

отчетливой нотой гниения. — Эта вода убьет вас быстрее, чем меч Монфора. С этого момента пить можно только кипяченую воду. Любой, кто нарушит приказ, будет чистить выгребные ямы до конца осады.

— Приказ? — рыжебородый переглянулся с товарищами. — Это чей приказ, леди? Вашего батюшки? Или вашей вышивальной иглки?

Из-за моей спины раздался тяжелый шаг.

— Это приказ леди Изабеллы, Рольф, — голос Джулиана прозвучал негромко, но с той особой интонацией, которая заставляет здоровых мужиков втягивать головы в плечи. — И если тебе не нравится, можешь обсудить это с моим кулаком. Он давно скучает по твоей челюсти.

Рольф побледнел и молча отошел от колодца. Остальные солдаты последовали его примеру.

Я обернулась к Джулиану. Он стоял, скрестив руки на груди, в той же потертой кожаной куртке, что и вчера. Утренний свет подчеркивал резкие черты его лица и глубокий шрам на подбородке. От него пахло холодным железом и чем-то хвойным — видимо, он спал на еловых ветках, как это делали бывалые солдаты.

— Вы рано встали, капитан, — заметила я, стараясь, чтобы голос не выдал того, как сильно колотится мое сердце от его близости.

— Я не ложился, — он смерил меня взглядом, задержавшись на конюшенных башмаках. — Всю ночь думал о том, что вы сказали. Про Монфора. Про две недели. Откуда вы это знаете?

— У меня свои источники, — уклончиво ответила я, двигаясь в сторону амбаров.

— Какие источники? — Джулиан зашагал рядом, его длинные ноги легко поспевали за моей торопливой походкой. — Вы никогда не покидали замок, леди. Вы не умеете читать карты, не знаете разницы между пехотой и конницей, и до вчерашнего дня ваш главный военный опыт заключался в том, что вы однажды уронили кубок на ногу графскому послу.

— Люди меняются, капитан, — я толкнула тяжелую дверь амбара. — Особенно когда им грозит смерть.

Амбар ударил нас запахом, от которого я едва не согнулась пополам. Гнилое зерно, мышиный помет, плесень и сырость. Мешки, сваленные у стен, расползались, обнажая черное, подмокшее содержимое.

— Боже... — прошептала я, прижимая рукав к носу. — Это не амбар, это биологическое оружие.

— Что? — Джулиан нахмурился.

— Неважно. Сколько здесь мешков?

— Было двести. Сколько осталось целых — не считал.

Я начала считать. Это было привычное, успокаивающее занятие. Пальцы скользили по мешковине, определяя на ощупь сухое зерно и подгнившее. Каждый мешок я помечала угольком: крестик — годное, кружок — сомнительное, черта — на выброс.

— Сорок три мешка пшеницы пригодны, — объявила я через полтора часа, вытирая руки о подол. — Семнадцать — под вопросом, их нужно перебрать и просушить на солнце. Остальное — отравы, которую нельзя давать даже свиньям.

— Сорок три мешка на сто двадцать ртов? — Джулиан прислонился к дверному косяку. — Это три недели, если урезать пайки вдвое.

— Нам не хватит трех недель. Нам нужно растянуть это на месяц, — я вышла на свет и зажмурилась. После темноты амбара солнце било в глаза наотмашь. — Капитан, вы знаете, что растет на лугах за стеной?

— Трава? — он пожал плечами.

— Крапива, лебеда, дикий щавель, — я загибала пальцы. — Из крапивы можно варить щи, лебеду — запекать в лепешки. Это не деликатесы, но это калории. Нужно отправить женщин и детей на сбор, пока Монфор не перекрыл подходы к замку.

Джулиан смотрел на меня молча, и в его взгляде я заметила новое выражение. Не насмешку, не снисхождение, а... уважение. Осторожное, недоверчивое, но настоящее.

— Леди Изабелла, — произнес он наконец. — Я служу наемником пятнадцать лет. Я был на Святой Земле, в Провансе, в Ломбардии. Я видел десятки осад. И ни одна благородная дама никогда не считала мешки с зерном и не предлагала кормить гарнизон крапивой.

— Ни одна благородная дама не выживала в мире, где нужно сводить дебет с кредитом, чтобы заплатить за квартиру, — ответила я и тут же прикусила язык.

— Дебет? — он приподнял бровь. — Что это?

— Это... метод учета. Я расскажу позже. Сейчас — кухня.

Кухня Астли была воплощением кулинарного ада тринадцатого века. Огромный очаг, в котором можно было зажарить быка целиком, чадил так, что потолок покрылся слоем жирной копоти. Повар Ганс, мужчина размером с бочку для засолки, месил тесто голыми руками, на которых я насчитала как минимум три незаживших пореза. Рядом мальчишка-поваренок чистил репу ножом, которым, судя по пятнам, до этого разделявали тушу.

— Ганс! — мой голос разрезал чад, как нож — прогорклое масло. — С этого момента на моей кухне действуют новые правила!

Повар поднял голову. Его маленькие глазки утонули в складках жира.

— Ваша кухня, леди? — он хмыкнул, как бегемот, вынырывающий из болота. — Простите, но я готовлю здесь двадцать лет, и ни один барон...

— Правило первое, — я перебила его, подходя к столу и проводя пальцем по столешнице. На пальце осталась жирная полоса, в которой копошился крошечный червяк. — Руки мыть перед каждым прикосновением к еде. Горячей водой. С золой.

— Золой? — Ганс выпучил глаза.

— Зола и жир дают щелок. Щелок убивает заразу, — я вспомнила школьный урок химии и мысленно поблагодарила учительницу, которую считала занудой. — Правило второе: ножи для мяса и ножи для овощей — разные. Правило третье: любая вода, которая идет в еду, должна быть прокипячена. И наконец — покажите мне ваши запасы соли.

— Соли осталось два мешка, — Ганс насупился. — Мачеха велела экономить, она хочет пустить ее на засолку мяса для свадебного пира.

— Свадебного пира не будет, — отрезала я. — Соль пойдет на консервацию овощей и лечебные растворы. А мясо мы будем коптить. Ганс, вы умеете строить коптильню?

Повар открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Леди... вы точно Изабелла? Та самая, которая в прошлом месяце плакала три дня из-за того, что ей привезли не тот оттенок алого бархата?

— Та самая, — я улыбнулась. — Только теперь я плачу из-за того, что у вас на кухне антисанитария, способная выкосить гарнизон быстрее чумы. За работу.

Выйдя из кухни, я столкнулась с Элеонорой. Мачеха стояла в коридоре, преграждая мне путь, как башня в человеческом обличье. На ней было платье из темно-зеленого бархата с высоким воротником, застегнутым до самого подбородка. От нее пахло лилиями — тяжелым, удушающим ароматом, от которого начинала болеть голова.

— Изабелла, — ее голос был как лезвие, обернутое в шелк. — До меня дошли слухи, что ты приказала солдатам кипятить воду и считаешь мешки с зерном, как торговка на рынке. Ты позоришь семью.

— Я спасаю семью, матушка, — ответила я, выдерживая ее взгляд. — Или вы предпочитаете, чтобы мы умерли красиво, в шелках и с пустыми желудками?

— Принц Седрик увезет тебя, — Элеонора понизила голос, схватив меня за запястье. Ее пальцы были ледяными и цепкими. — Он обещал мне. Ты выйдешь за него, и мы получим защиту герцога. Не ломай сделку своим безумием!

— Какую сделку, Элеонора? — я осторожно высвободила руку. — Сделку, по которой вы продаете меня, как мешок зерна, в обмен на обещание, которое принц не собирается выполнять? Я видела его обоз. Там нет провизии. Нет подкрепления. Только парадные щиты и ящик с кружевом. Он приехал не спасать, а забрать.

Элеонора побледнела. Впервые за весь разговор в ее глазах мелькнуло что-то, похожее на страх.

— Ты не можешь знать этого...

— Могу. Потому что я научилась считать, — я обошла ее и направилась к лестнице, ведущей на крепостную стену. — И мой следующий расчет — оборона.

На стене меня ждал Джулиан. Он стоял, опершись на зубец, и смотрел на долину внизу. Утренний туман еще не рассеялся, и пейзаж выглядел как размытая акварель — зеленые холмы, темная полоса леса на горизонте и серая лента дороги, уходящая на восток.

— Монфор придет оттуда, — Джулиан указал на дорогу. — У него три сотни пехоты и сотня конных. У нас — сорок наемников и двадцать ополченцев, которые умеют держать копье только тем концом, которым не колют.

— Значит, нам нужно сделать так, чтобы они не дошли до стен, — я встала рядом с ним, чувствуя, как ветер треплет мои волосы. — Капитан, что вы знаете о волчьих ямах?

— Ямы, прикрытые ветками, с кольями на дне, — Джулиан кивнул. — Старый прием, но эффективный на узких подходах.

— Именно. А если мы зальем дно ям не водой, а смолой? И подожжем, когда враг окажется между рвом и стеной?

Джулиан медленно повернул голову ко мне. В утреннем свете его серые глаза казались почти прозрачными, и в них горел огонь, который не имел ничего общего с военным расчетом.

— Вы сегодня всю ночь думали об этом, леди? — его голос стал тише.

— Я всю ночь думала о том, как не умереть, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — А что думали вы?

— О том же, — он сделал паузу, в которой уместилась целая вечность. — И еще о том, кто вы такая на самом деле.

Между нами было не больше локтя расстояния. Я чувствовала запах хвои и стали, исходящий от его одежды. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах.

— Я та, кто не даст этому замку умереть, — прошептала я.

— Тогда я с вами, леди, — Джулиан выпрямился, и момент хрупкой близости растаял в холодном утреннем воздухе. — Покажите мне, где копать ваши ямы.

Мы спустились со стены и пошли к восточным подступам. Я объясняла, он слушал. Впервые за тысячу лет мужчина в этом мире слушал женщину не потому, что она была красива, а потому, что она была права.

К полудню мы обошли весь периметр. Мои ноги гудели, конюшенные башмаки натерли мозоли, а подол рабочего платья был заляпан грязью. Но в моей голове уже сложилась четкая картина: три линии обороны, система сигнальных костров и план эвакуации женщин и детей через потайной ход, о котором знал только Джулиан.

Когда мы вернулись во двор, нас ждал Седрик.

Принц стоял у фонтана, одетый в голубой камзол, расшитый серебром. От него веяло ароматом дорогих масел. Его улыбка при виде моего грязного платья и растрепанных волос стала чуть шире, чуть снисходительнее.

— Белла, дорогая, — произнес он, протягивая мне руку. — Ходят слухи, что вы провели утро в амбарах и на стенах. Я восхищен вашей энергией, но это совершенно неподобающе для будущей жены принца. Пойдемте, я приказал приготовить для вас горячую ванну и новое платье.

— Спасибо, Седрик, но мне не нужна ванна, — я не приняла его руку. — Мне нужны двадцать лопат, десять бочек смолы и разрешение вашего отца на мобилизацию крестьян из окрестных деревень.

— Лопаты? — он засмеялся, и его смех был красивым, звонким и абсолютно пустым. — Милая, оставьте грязную работу грязным людям. Ваше место — рядом со мной, в тепле и безопасности.

— Мое место — там, где я решу, — ответила я. — И прямо сейчас я решила, что оно — на крепостной стене.

Седрик перестал улыбаться. На мгновение, всего на долю секунды, его красивое лицо превратилось в маску холодной ярости. А потом улыбка вернулась, но уже другая — жесткая, контролирующая.

— Мы поговорим об этом за ужином, дорогая, — он развернулся и ушел в замок, оставив за собой шлейф сандалового аромата.

Джулиан подошел ко мне, глядя вслед принцу.

— Вы нажили себе врага, леди, — тихо сказал он.

— Он был моим врагом с того момента, как приехал сюда без обоза, Джулиан, — ответила я. — Просто теперь он это знает.

Я посмотрела на свои грязные руки, на стоптанные башмаки, на серые стены замка, который стал моей ответственностью.

— Завтра начинаем копать ямы, капитан. А сегодня вечером я хочу, чтобы вы показали мне арсенал. Мне нужно знать, сколько у нас стрел, какого качества тетивы и есть ли в этой крепости хоть один работающий требушет.

— Требушет сломан, леди, — Джулиан позволил себе едва заметную усмешку. — Но с вашим напором я не удивлюсь, если вы его почините голыми руками.

— Не голыми, капитан. С помощью рычагов, противовесов и элементарной физики, — я улыбнулась в ответ. — Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Мне не нужно переворачивать мир. Мне нужно, чтобы этот замок стоял.

Я пошла к арсеналу, чувствуя на спине его взгляд. Тяжелый, горячий и полный вопросов, на которые я пока не могла ответить.

А в окне второго этажа, за кружевной занавеской, стояла Элеонора и тихо разговаривала с кем-то. Я не видела собеседника, но заметила, как мачеха передала ему маленький свиток, запечатанный черным воском.

Мой бухгалтерский инстинкт зазвенел, как пожарная сигнализация. Черный воск в этом веке использовали только для срочных тайных посланий. И у меня было нехорошее предчувствие, что адресатом этого письма был не портной из ближайшего города.

Глава 3. Арсенал пустых обещаний и полные бочки смолы

Арсенал замка Астли располагался в подвале северной башни, и добраться до него можно было только по узкой винтовой лестнице, на которой два человека не могли разминуться без риска переломать друг другу ребра. Ступени были стертыми, скользкими от вековой сырости, а стены покрыты таким слоем плесени, что в темноте казалось, будто они дышат.

Джулиан шел впереди, держа факел. Огонь выхватывал из мрака его широкую спину, обтянутую кожаным колетом, и короткие темные волосы на затылке. Я шла за ним, стараясь не поскользнуться, и мысленно составляла претензионное письмо средневековому архитектору, который спроектировал эту лестницу без перил, освещения и элементарного здравого смысла.

— Осторожнее, леди, — Джулиан обернулся, протягивая мне руку на особенно крутом повороте. — Здесь ступени нет. Совсем.

Я посмотрела вниз. Действительно, на месте очередной ступени зияла дыра, на дне которой блестела лужа неопределенного происхождения. Мой конюшенный башмак завис над пропастью.

— Великолепно, — пробормотала я, хватаясь за его ладонь. — Даже в налоговой инспекции лестницы были в лучшем состоянии.

Его рука была горячей, сухой, с жесткими мозолями от меча. Он перетянул меня через провал легко, как пушинку, и на мгновение наши тела оказались слишком близко друг к другу. В узком пространстве лестницы я чувствовала жар его дыхания на своем лбу и тот самый запах хвои и железа, который начинал ассоциироваться у меня с надежностью и безопасностью.

— Спасибо, — выдохнула я, слишком поздно осознав, что мои пальцы всё еще сжимают его ладонь.

— Не за что, леди, — он отпустил мою руку медленно, словно нехотя. — Следите за полом. Впереди еще три таких сюрприза.

Арсенал оказался комнатой размером с мою бывшую однушку в Бирюлево, только вместо шкафа с одеждой здесь стояли стойки для оружия, а вместо дивана — длинные полки с доспехами. Факел Джулиана осветил содержимое, и я почувствовала, как мое сердце медленно опускается в район конюшенных башмаков.

— Это всё? — спросила я, оглядывая стойки.

Зрелище было удручающим. Около тридцати мечей, половина из которых была покрыта ржавчиной. Связки стрел, перевязанные просмоленной веревкой, из которых каждая третья имела кривое оперение. Десяток кольчуг, развешанных на крюках, как мертвые рыбы, с дырами такого размера, что в них мог пролезть кулак. Копья с раскошшимися древками, три арбалета без тетив и один щит, расколотый ровно пополам, будто кто-то использовал его как разделочную доску.

— Это всё, — подтвердил Джулиан. Его голос был нейтральным, но я видела, как напряглась его челюсть. — Последний раз арсенал пополняли четыре года назад. Ваш отец тратил деньги на другие нужды.

Я вспомнила вчерашний ужин. Серебряные кубки, фаянсовые тарелки, вино из Бургундии. Гобелены, пусть и дырявые, но из настоящего фламандского шелка. Барон Астли спускал деньги на видимость благополучия, пока его арсенал превращался в музей ржавчины.

Я достала из кармана огрызок угля и кусок пергамента, который стащила из кабинета отца.

— Диктуйте, капитан. Сколько мечей пригодны к бою?

— Четырнадцать. Может, шестнадцать, если перековать два сломанных.

— Кольчуги?

— Шесть целых. Остальные годятся только на переплавку.

— Стрелы?

— Около двухсот. Но половина — с тупыми наконечниками.

Я записывала, чувствуя, как с каждой цифрой моя уверенность проседает, как трехдневный суфле. Когда-то в прошлой жизни мне поручили восстанавливать бухгалтерию фирмы, которая задолжала всем, включая собственных уборщиц. Я тогда провела три ночи без сна, выстраивая схему погашения долгов, и спасла компанию. Но там были хотя бы цифры, законы и суды. Здесь были только ржавые мечи и четыреста вражеских солдат на горизонте.

— Джулиан, — я подняла глаза от своих записей. — Скажите честно. С тем, что у нас есть, мы можем продержаться хотя бы три дня?

Он помолчал. Долго, тяжело, как молчит человек, который привык говорить правду, даже когда она убивает.

— Один день, леди. Может, два, если Монфор решит побережь людей и не штурмовать в лоб.

— Тогда нам нужно сделать так, чтобы он именно это и решил, — я свернула пергамент. — Не драться, а напугать. Не побеждать, а выиграть время.

— Время для чего?

— Для гонца, которого мы пошлем к герцогу Валуа, — я вспомнила то небольшое, что знала из истории этого периода. — Монфор — вассал Валуа. Если герцог прикажет ему отступить, он отступит.

— Герцог Валуа сейчас в Париже, — Джулиан нахмурился. — Гонцу понадобится неделя, чтобы добраться туда.

— Значит, нам нужно продержаться неделю. А для этого нужно, чтобы Монфор думал, что штурм обойдется ему слишком дорого. Мы не можем победить, Джулиан. Но мы можем быть слишком дорогим блюдом, чтобы его жрать.

Он посмотрел на меня так, будто видел впервые. А потом его губы тронула улыбка — настоящая, не ироничная, без привычного цинизма.

— Вы только что сказали «жрать», леди Изабелла.

— Неужели? — я поморщилась. — Простите. Иногда мой внутренний... голос не поддается контролю.

— Мне нравится этот голос, — тихо сказал он. — Он говорит правду. А правды в этом замке давно не слышали.

Мы поднялись из арсенала. Солнце уже стояло высоко, и внутренний двор наполнился обычной суетой средневековой крепости. Слуги таскали воду, конюхи чистили стойла, кузнец стучал молотом по наковальне — размеренно, тупо, без всякого плана.

— Капитан, мне нужен этот кузнец, — я указала на приземистого мужика в кожаном фартуке, покрытом ожогами. — И мне нужен уголь. Много угля. Мы будем перековывать всё, что можно перековать. Включая подковы, если понадобится.

— Наконечники для стрел? — Джулиан мгновенно уловил мысль.

— Именно. И еще — я хочу, чтобы вы собрали все бочки, которые есть в замке. Пустые, из-под вина, из-под солонины, неважно. Мы наполним их смолой.

— Где мы возьмем столько смолы?

— В лесу, капитан. За южной стеной. Сосны, — я вспомнила, как в детстве дедушка возил меня на дачу, и мы собирали живицу с деревьев. — Смола течет из надрезов на коре. Если поставить бадьи, за два дня соберем достаточно, чтобы заполнить ров у восточных ворот.

— Ров у восточных ворот пересох три года назад, — заметил Джулиан.

— Вот и хорошо. Сухой ров — это готовая ловушка. Мы зальем его смолой, присыплем соломой и хворостом. Когда Монфор пойдет на штурм и его люди окажутся во рву, мы подождем его.

Джулиан замер. Я видела, как в его голове эта картина складывается, как мозаика. Ров, залитый горячей смолой, стена огня перед воротами, крики солдат, которые не ожидали подвоха.

— Это... жестоко, — произнес он наконец.

— Это война, Джулиан, — ответила я, чувствуя, как внутри что-то сжимается от собственных слов. — И выбор у нас простой: быть жестокими или быть мертвыми.

Он кивнул. Один раз, коротко, по-военному.

— Я соберу людей. Завтра на рассвете начнем рубить деревья и копать волчьи ямы.

— Джулиан, — я остановила его, когда он уже поворачивался, чтобы уйти. — Еще одно. Мне нужно, чтобы вы приставили кого-нибудь следить за мачехой. Я видела, как она передавала кому-то письмо, запечатанное черным воском.

Его лицо мгновенно посуровело.

— Черный воск?

— Что это значит в вашем мире?

— Это значит «срочно и тайно», — он понизил голос. — Черным воском пользуются, когда не хотят, чтобы послание перехватили. Обычно его используют шпионы. Или предатели.

— Вот именно, — я поежилась, вспоминая ледяные пальцы Элеоноры на моем запястье. — Поставьте наблюдателя. Тихого. Незаметного.

— У меня есть такой человек, — Джулиан кивнул. — Мальчишка. Тихий, как тень. Бывший карманник из Марселя. Он видит и слышит то, что не замечают взрослые.

— Отлично. Пусть следит за каждым ее шагом. И за Седриком тоже.

— За принцем? — Джулиан поднял бровь.

— Особенно за принцем, — я вспомнила, как вчера Седрик сжал мою руку чуть сильнее, чем нужно. — Он приехал сюда не ради моих глаз, Джулиан. Он приехал торговать. А когда торговец не получает желаемого, он начинает воровать.

Обеденное время застало меня на кухне. Ганс, к моему удивлению, уже выполнил часть приказов. Он вымыл руки — впервые, судя по его растерянному виду, за несколько месяцев — и даже разделил ножи. Правда, «разделил» означало, что он воткнул два ножа в разные концы стола и прибил над каждой деревянную табличку с корявой надписью: «Мясо» и «Не мясо».

— Прогресс, — одобрила я, разглядывая таблички. — Ганс, мне нужно, чтобы вы приготовили нечто особенное для сегодняшнего ужина с принцем.

— Что именно, леди? — повар вытер пот со лба чистым полотенцем, которое я выдала ему утром.

Я задумалась. В прошлой жизни я не была великим кулинаром, но знала одну вещь: путь к уважению мужчины лежит не через его желудок, а через его удивление.

— Соус, — сказала я. — Из яичных желтков, масла и горчицы. Мы будем взбивать его до тех пор, пока он не станет густым и гладким, как крем. Это называется... «Королевский крем».

— Яйца и масло? Вместе? — Ганс посмотрел на меня с таким ужасом, будто я предложила ему зажарить собственную бабушку. — Леди, это же противоестественно! Яйца створчатся!

— Не створчатся, если добавлять масло по капле и постоянно взбивать, — я закатала рукава. — Давайте миску. И венчик. У вас есть венчик?

— Что такое венчик, леди?

— Это... неважно. Дайте мне вилку и терпение.

Следующий час я провела, стоя над миской и яростно взбивая эмульсию деревянной мутовкой, потому что вилки в тринадцатом веке были предметом роскоши, а в замке Астли их

не было вовсе. Желтки медленно, мучительно поглощали масло, превращаясь в густую, глянцевою массу, от которой шел тонкий аромат горчицы. Ганс стоял рядом, наблюдая за процессом с религиозным трепетом.

Когда в миске наконец образовался настоящий майонез, повар осторожно попробовал его кончиком мизинца. Его маленькие глазки расширились.

— Боги милосердные... — выдохнул он. — Леди, это нектар. Откуда вы знаете такие вещи?

— Из книг, Ганс, — солгала я. — Из очень старых книг.

Ужин состоялся в большом зале. Барон сидел во главе стола, бледный и рассеянный, периодически наливая себе вина трясущимися руками. Элеонора — по правую руку от него, безупречная, как статуя, с тем же удушливым ароматом лилий. Седрик — слева, в свежем голубом камзоле, излучающий ту самую «золотую» харизму, от которой у неопытных девушек подкашиваются ноги.

Я сидела напротив принца. На мне было то самое рабочее платье из темного сукна, которое я не стала менять. Это был мой первый тактический ход: показать Седрику, что я не собираюсь играть по его правилам.

— Белла, дорогая, — Седрик улыбнулся, увидев мой наряд. — Вы решили предстать в образе пастушки? Как... оригинально.

— Я решила предстать в образе хозяйки, которая знает, сколько зерна в ее амбарах, — ответила я, поднимая кубок. — Кстати, Ваше Высочество, попробуйте этот соус. Он новый.

Слуга подал блюдо: жареная курица, политая «Королевским кремом», с печеной репой и зеленью. Седрик зачерпнул соус серебряной ложкой, попробовал. На его лице отразилось искреннее удивление.

— Это... восхитительно, — признал он. — Что это?

— Мое изобретение, — я улыбнулась. — Я умею не только считать мешки, Седрик. Я умею создавать вещи, которых в этом мире еще не существует.

— Впечатляет, — он отложил ложку и наклонился вперед. Его голубые глаза стали серьезными, и на мгновение я увидела за фасадом обаяния холодный, расчетливый ум. — Белла, давайте начистоту. Монфор идет сюда. У вашего отца нет ни сил, ни денег, чтобы остановить его. Я могу увезти вас. Сейчас. Этой ночью. Мы уедем в Бордо, там мой отец, и вы будете в безопасности.

— А замок? — спросила я. — А люди?

— Замок — это камни, Белла, — он пожал плечами с той легкостью, которая свойственна людям, никогда не терявшим дом. — Камни можно отстроить заново. А вашу красоту — нет.

В его словах была логика. Страшная, циничная, но логика. В прошлой жизни я бы, возможно, согласилась. Марина-бухгалтер привыкла считать потери и выбирать меньшее зло.

Но сейчас я смотрела через окно зала на внутренний двор, где Джулиан раздавал солдатам кипяченую воду и объяснял, как правильно точить мечи. Солдаты, которые утром смеялись над моими приказами, теперь слушали его внимательно. Потому что за его спиной стояла я — женщина, которая знала, сколько зерна в амбарах и как сделать майонез.

— Камни — это не просто камни, Седрик, — сказала я, откладывая кубок. — Это стены, за которыми живут люди. Дети. Старики. Те, кто не может сесть на коня и ускакать в Бордо. Я не уеду.

— Вы серьезно? — его улыбка начала трескаться. — Белла, не будьте глупой. Героизм — удел мужчин с мечами, а не девочек с рецептами соусов.

— А предательство — удел принцев без совести, — ответила я. — Спокойной ночи, Ваше Высочество. Завтра мне рано вставать. Нужно копать ямы.

Я встала из-за стола, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих. Отец смотрел с ужасом, мачеха — с ненавистью. Но Седрик... Седрик смотрел с чем-то, что я видела много раз

в глазах мужчин, которых обыгрывала в переговорах. Это была ярость собственника, которому сказали «нет».

Я шла к своей комнате, считая шаги, как считала бы строки в балансе. Двадцать три шага до лестницы. Четырнадцать ступеней. Семь шагов до двери.

У двери стоял мальчишка лет двенадцати — худой, юркий, с лицом, которое мгновенно забываешь.

— Леди, — прошептал он, оглядываясь. — Капитан Джулиан велел передать. Мачеха отправила гонца. Выходом. На восток.

— На восток? — мое сердце ухнуло. На востоке находился лагерь Монфора. — Ты уверен?

— Я проследил до развилки, леди. Гонец несет письмо с черной печатью. И еще... он несет кошель с золотом.

Я закрыла глаза. Элеонора не просто предавала нас. Она покупала себе безопасность у врага. Она продавала замок Астли, как недвижимость с обременением, и я была частью этой сделки.

Где-то внизу, во дворе, Джулиан отдавал приказы вечерней страже. Его голос, низкий и уверенный, поднимался к моему окну, как теплый ветер. И я подумала, что в этом проклятом тринадцатом веке, где нет ни электричества, ни антибиотиков, ни нормальной туалетной бумаги, единственным источником надежды для меня стал грубый наемник со шрамом на подбородке, который верит мне больше, чем собственному опыту.

— Завтра, — прошептала я, прижимаясь лбом к холодному камню оконной рамы. — Завтра мы поймем крысу. А пока...

Я достала из кармана огарок свечи, кусок пергамента и начала составлять список. Список вещей, которые мне предстояло изобрести в тринадцатом веке, чтобы выжить.

Первым пунктом значилось: «Мыло. Нормальное, без запахадохлой кошки».

Вторым: «Фильтр для воды из угля и песка».

Третьим: «Арбалетные болты из переплавленных подков».

Четвертым: «Способ нейтрализовать Элеонору, не прибегая к яду».

Пятый пункт я дописала, уже задувая свечу: «Разобраться с чувствами к Джулиану, пока они не разобрались со мной».

За стеной кто-то тихо прошел по коридору. Шаги были мягкими, крадущимися. Не Берта — та топала, как маленький слон. Не Джулиан — тот ходил тяжело и уверенно. Это был кто-то, кто не хотел быть услышанным.

Я задержала дыхание и тихо подошла к двери. Между дверью и полом была щель в палец толщиной. В ней мелькнул край голубого плаща, расшитого серебром.

Седрик. Он стоял у моей двери. В три часа ночи. И слушал.

Я отступила назад, бесшумно, как учила жизнь в коммуналке, где каждый скрип половицы мог стоять бессонной ночи. Села на кровать, прижав к груди подушку, и стала ждать.

Через минуту шаги удалились. Но запах сандалового масла еще долго висел в воздухе, как напоминание о том, что в этом замке есть враги страшнее Монфора.

Глава 4. Волчьи ямы и первый урок фехтования

Рассвет пришел серым, холодным и злым, как проверяющий из контрольно-ревизионного управления в понедельник утром. Небо затянуло низкими тучами, из которых сыпалась мелкая морось, превращавшая внутренний двор замка в месиво из глины, конского навоза и человеческого уныния.

Я стояла у ворот, закутанная в грубый шерстяной плащ, который воняла мокрой козой, и смотрела, как Джулиан выстраивает людей для работы. Наемники, привыкшие к мечу, а не к лопате, ворчали. Ополченцы — крестьяне, мобилизованные бароном из окрестных деревень, — выглядели еще хуже. Бледные, худые, с руками, привыкшими к плугу, а не к оружию. Их было двадцать три человека, и каждый из них смотрел на меня с тем особенным выражением, которое я научилась распознавать еще в прошлой жизни: смесь подозрения и надежды. Так смотрят на нового начальника, который обещает реформы, но которому пока не верят.

— Капитан, разделите людей на три группы, — скомандовала я, подходя к Джулиану. Дождь мочил мне лицо, но я старалась не моргать. Бухгалтер не моргает перед проверкой. — Первая группа копает волчьи ямы на восточном подходе. Вторая рубит сосны в южном лесу и собирает живицу. Третья таскает камни на стены.

— А женщины и дети? — спросил Джулиан, накидывая капюшон. Капли дождя стекали по его шраму, и казалось, будто шрам плачет.

— Женщины и дети собирают крапиву, щавель и всё, что можно есть, на лугах к западу. И пусть возьмут корзины для грибов. Я вчера видела вокруг замка вполне приличные белые.

— Вы разбираетесь в грибах, леди? — Джулиан приподнял бровь.

— Мой дедушка был заядлым грибником, — ответила я и тут же прикусила язык. — То есть... я читала об этом. В книгах.

— В тех самых книгах, где написано про «бактерии» и «логистику»? — его голос звучал ровно, но в серых глазах танцевали огоньки иронии.

— Именно, — я отвернулась, пряча смущение. — Приступайте, капитан. Время — единственный ресурс, который мы не можем произвести.

Первые четыре часа превратили мое представление о средневековом труде из романтической картинки в чистилище.

Копать волчьи ямы в глинистой почве под дождем — это занятие, которое заставляет пересмотреть всю систему жизненных ценностей. Глина липла к лопатам, превращая каждый бросок в борьбу с вязкой, тяжелой массой, от которой ныли руки и ломило поясницу. Я не копала сама — мое тело аристократки было для этого слишком хрупким, да и Джулиан категорически запретил мне спускаться в ямы. Но я стояла рядом, размечая позиции кольями и веревкой, контролируя глубину и ширину каждой ловушки.

— Глубже, Рольф! — кричала я рыжебородому солдату, который копал с видом человека, лично оскорбленного землей. — Яма должна быть в рост человека! Если Монфоров конник провалится, он не должен выбраться!

— Леди, я солдат, а не крот! — огрызнулся Рольф, выбрасывая очередной ком глины. — Если бы мне хотелось рыть землю, я бы стал могильщиком!

— Если ты не выроешь эту яму, Рольф, ты станешь тем, для кого её роют, — отрезала я. — Копай.

К полудню мы закончили три ямы на восточном подходе. Они были грубыми, неаккуратными, но глубокими. Джулиан лично заострил колья, вбил их в дно и прикрыл конструкцию ветками и дерном. Сверху ямы были практически невидимы.

— Неплохо для начала, — признал он, вытирая грязные руки о штаны. — Но три ямы не остановят армию.

— Три — нет. Двенадцать — заставят задуматься, — ответила я. — Завтра копаем еще. И роем ложный ров на северном склоне. Пустой, без кольев. Пусть Монфор тратит время на проверку каждого подозрительного участка.

— Ложный ров? — Джулиан посмотрел на меня с тем выражением, которое я начала расшифровывать как «Эта женщина либо гений, либо безумна, и я пока не решил, что хуже». — Это... неожиданно. Обычно дамы предлагают молиться, а не обманывать.

— Бог помогает тем, кто помогает себе, капитан. А обман на войне называется «тактика», — я улыбнулась и тут же поморщилась от боли в натертых ладонях.

Джулиан заметил это мгновенно. Он перехватил мою руку и перевернул ладонью вверх. На нежной, аристократической коже алели свежие мозоли, несколько из которых уже лопнули, обнажив розовое, воспаленное мясо.

— Вы работали руками, — это был не вопрос, а обвинение. Его пальцы, грубые и жесткие, обхватили мое запястье, и я почувствовала, как его большой палец мягко скользнул по внутренней стороне ладони, обходя мозоли.

Это прикосновение отозвалось где-то в районе солнечного сплетения теплой, тягучей волной, от которой перехватило дыхание.

— Я размечала колья, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ничего страшного. В прошлой... в юности я много работала руками.

— Руки нужно беречь, леди, — он не отпускал мою ладонь. — Если они загноятся, в этом веке это может стоить жизни.

— Тогда научите меня обращаться с мечом, — сказала я, и сама удивилась своим словам. — Если мне придется защищаться, я хочу знать, как это делать. И не давайте мне деревянный муляж. Я хочу чувствовать настоящий вес.

Джулиан медленно отпустил мою руку. Его взгляд стал серьезным, оценивающим.

— Вы не сможете драться мечом, леди. Вы весите меньше, чем мой нагрудник. Но кинжал... кинжал я вам дать могу.

Он отстегнул от пояса короткий клинок в простых кожаных ножнах. Вытащил его и протянул мне рукоятью вперед. Сталь была тусклой, покрытой мелкими царапинами, но заточенной так, что волос, положенный на лезвие, распадался пополам.

— Это не парадное оружие, — сказал он. — Это рабочий нож. Им можно резать веревки, вскрывать доспехи в слабых местах и... убивать. Быстро и тихо.

Я взяла кинжал. Он был тяжелее, чем я ожидала, холодный и чужой в руке. Баланс был смещен к острию, и я инстинктивно перехватила рукоять ближе к гарде.

— Неплохо, — одобрил Джулиан. — Вы держите его правильно. Кто вас учил?

— Никто, — я взвесила клинок на ладони. — Просто... интуиция.

— Тогда слушайте интуицию дальше, — он зашел мне за спину и мягко, но уверенно поправил мою стойку. Его руки легли на мои бедра, разворачивая корпус. — Шире. Левая нога назад. Центр тяжести — вот здесь.

Его ладони надавили на мою поясницу, заставляя чуть прогнуться. Я чувствовала жар его тела сквозь мокрую шерсть плаща, ощущала его дыхание на своем затылке — размеренное, контролируемое, но учащенное чуть больше, чем требовала ситуация.

— Удар снизу вверх, — его рука скользнула по моему предплечью, направляя движение. — Между пластин доспеха, в подмышку, в пах, в горло. Не замахивайтесь. Кинжал — не меч. Его сила в скорости и внезапности.

— Как в бухгалтерии, — прошептала я. — Не размахивай цифрами. Бей точно в слабое место.

— Что? — он наклонился ближе, его губы оказались в сантиметрах от моего уха.

— Ничего, — я резко развернулась, и наши лица оказались так близко, что я видела каждую трещинку на его обветренных губах, каждую крошечную морщинку у глаз. Дождь стекал по его лицу, и капля повисла на кончике его носа, придавая ему странно трогательный вид.

— Джулиан, — тихо сказала я. — Вы часто так обнимаете своих учениц?

— У меня никогда не было учениц, леди, — ответил он, не отстраняясь. — Только ученики. И я никогда не обнимал ни одного из них.

— Значит, я — особый случай?

— Вы — невозможный случай, — он отступил на шаг, и холодный воздух мгновенно заполнил пространство между нами. — Продолжим после ужина. Когда стемнеет. Во внутреннем дворе.

— Это свидание, капитан? — я не могла удержаться от подколки, хотя сердце колотилось так, что его, вероятно, было слышно в Париже.

— Это тренировка, леди, — он развернулся и зашагал к группе солдат, рубивших сосны. — Надевайте одежду потемнее. И снимите это проклятое ожерелье. Оно блесит в лунном свете, как маяк для вражеского лучника.

Я проводила его взглядом, чувствуя, как внутри меня борются тридцатипятилетняя Марина, которая знала, что влюбляться во время войны — худшая из бизнес-стратегий, и девятнадцатилетняя Изабелла, чье тело реагировало на этого мужчину так, словно он был единственным источником тепла в ледяном мире.

Вечер принес новые проблемы.

Когда я вернулась в замок, промокшая до нитки, с грязью под ногтями и мозолями на обеих ладонях, Седрик ждал меня у камина в большом зале. Он выглядел безупречно, как всегда: золотые кудри уложены, голубой камзол без единого пятнышка, в руке — кубок с горячим вином, от которого шел пряный аромат корицы и гвоздики.

— Белла, — он протянул мне второй кубок. — Вы промокли. Выпейте. Это согреет.

Я приняла кубок, но не стала пить. Вместо этого я поднесла его к носу и вдохнула. Вино, корица, мед... и едва уловимая горчинка, которую я не смогла опознать. Возможно, просто плохое вино. А возможно...

Я вспомнила Элеонору и ее письмо с черным воском. Вспомнила ночные шаги Седрика у моей двери. Вспомнила его слова: «Ваш удел — вдохновлять нас своей красотой».

— Спасибо, Седрик, — я поставила кубок на каминную полку, не пригубив. — Но я предпочитаю кипяченую воду. Она безопаснее.

— Безопаснее? — его улыбка дрогнула. — Вы что же, боитесь, что я вас отравлю?

— Я боюсь, что все в этом замке имеют свои планы на мое будущее, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — И ни один из этих планов не включает мое согласие.

Седрик отставил свой кубок. Он подошел ко мне и взял за руку — не за пальцы, как полагалось по этикету, а за запястье. Крепко. Его хватка была мягкой, но я чувствовала под бархатной перчаткой стальные пальцы, привыкшие к поводьям боевого коня.

— Белла, — его голос стал тихим, интимным, и от него повеяло опасностью, как от тлеющего фитиля. — Я пытаюсь вас спасти. Каждый день, каждую минуту, пока вы играете в солдатиков и копаете ямы в грязи. Монфор идет сюда с четырьмя сотнями головорезов. У вас нет шансов. Единственное, что стоит между вами и смертью, — это я. Моя семья. Мои связи. Не наемник, который не может предложить вам даже крышу над головой.

Его пальцы на моем запястье сжались чуть сильнее. Не больно, но ощутимо. Напоминание о власти.

— Вы любите контроль, Седрик, — произнесла я, не отводя взгляда. — Но я — не лошадь, которую можно взять под уздцы. И я не подпишу ни одной бумаги, пока не буду уверена, что мой замок стоит, а мои люди живы.

Я аккуратно высвободила запястье и отступила на шаг.

— Спокойной ночи, Ваше Высочество. Мне нужно выспаться. Завтра — тяжелый день.

Я ушла, чувствуя его взгляд на своей спине. Тяжелый, раскаленный, полный той смеси желания и злости, которую я помнила по своему первому браку. Игорь тоже так смотрел, когда я впервые отказалась выполнить его требование. А потом начал бить.

Марина внутри меня сжалась. Изабелла — распрямилась. Мы были одной и той же женщиной, и мы больше никому не позволим нас ломать.

В десять вечера, когда замок затих, я тихо вышла во двор. Джулиан уже ждал у колодца. В его руке был короткий тренировочный кинжал, а на губах — едва заметная улыбка.

— Готовы, леди?

— Готова, капитан, — я перехватила свой клинок, как он учил. — Покажите мне, как выжить.

И он показал.

Два часа под холодными звездами мы двигались по мокрым камням двора. Он нападал — я уклонялась. Он захватывал — я вырывалась. Каждое его прикосновение было одновременно уроком и пыткой, потому что его руки на моем теле вызывали не страх, а жгучее, болезненное желание, чтобы они остались там навсегда.

— Хорошо, — наконец сказал он, когда я впервые сумела поднырнуть под его руку и приставить тупой край тренировочного клинка к его горлу. — Очень хорошо.

— Спасибо, учитель, — я тяжело дышала, мои волосы прилипли к мокрому лбу, а ноги подкашивались от усталости. — Завтра — повторим?

— Завтра, — кивнул он. — И послезавтра. И каждый день, пока вы не сможете сделать это в полной темноте, с завязанными глазами, на скользком полу.

— Звучит как описание моей бывшей работы, — пробормотала я.

— Что?

— Ничего, Джулиан. Спокойной ночи.

Я развернулась и пошла к башне. На третьем шаге он окликнул:

— Леди.

Я обернулась. Он стоял в лунном свете, мокрый, взъерошенный, с кинжалом в руке, и выглядел как человек, который хочет сказать что-то важное, но не находит слов.

— Не пейте вино, которое предлагает принц, — произнес он наконец. — Мой мальчишка нашел у гонца Элеоноры второе письмо. Оно адресовано не Монфору.

— А кому? — мое сердце замерло.

— Аптекарю в городке за рекой. В письме — просьба прислать «лунную настойку». Я не знаю, что это такое, но старые солдаты говорят, что от нее человек засыпает и не просыпается. Выглядит как естественная смерть.

Я медленно вдохнула влажный ночной воздух, чувствуя, как он обжигает легкие.

— Элеонора хочет убить моего отца?

— Или вас, леди, — голос Джулиана стал жестким, как сталь его клинка. — Или вас.

Ночь вокруг нас сгустилась, превратившись из декорации в ловушку. Где-то в лесу завыл волк, и этот звук был самым честным из всех, что я слышала за весь день. Хищник не притворился другом. Он просто предупреждал: я голоден, и я иду.

Глава 5. Яд в бархатных перчатках и мыло из пепла

Ночь после разговора с Джулианом я не спала. Лежала на жесткой перине, уставившись в темный потолок, и считала. Не овец, как полагается нормальным людям, а варианты. В прошлой жизни я так готовилась к налоговым проверкам: расписывала в голове все возможные сценарии, просчитывала риски и выстраивала контраргументы. Только раньше на кону стояли штрафы и увольнение, а теперь — моя жизнь и жизнь отца.

Итак, Элеонора. Леди в изумрудном бархате, от которой пахнет лилиями и предательством. Она написала два письма: одно — Монфору, с предложением сдать замок, второе — аптекарю за рекой, с просьбой прислать яд, замаскированный под снотворное. Вопрос: действует ли она одна или в связке с Седриком?

Я перевернулась на бок, скрипнув соломой в матрасе. За стеной шуршала мышь, и этот звук в тишине средневековой ночи казался оглушительным.

Седрик. Его поведение вчера у камина не оставляло сомнений: он хотел увезти меня, а замок бросить. Но если Элеонора договаривается с Монфором, зачем ей Седрик? Если принц увезет меня, она потеряет рычаг давления на барона. Значит... значит, они не вместе. Каждый ведет свою игру, и оба считают меня фигурой, которую можно переставлять по доске без спроса.

Я села в кровати, обхватив колени руками.

В прошлой жизни, когда я обнаружила, что мой бывший муж Игорь тайно переписал квартиру на свою мать, я не стала устраивать скандал. Я пошла к юристу, собрала документы и подала в суд. Тихо, методично, без слез. Слезы я оставила на потом, когда дело было выиграно, а Игорь стоял в коридоре суда с выражением человека, которого переехал поезд, и даже не поигналил.

Здесь суда не было. Здесь были мечи, яды и грубая сила. Но принцип оставался тот же: не кричи, не бейся в истерику, а собирай доказательства и бей первой.

Утро началось с дождя. Опять.

Я оделась в свое рабочее сукно, заплела волосы в тугую косу, которую заколола шпильками так, что на голове образовалось нечто, напоминающее шлем, и спустилась на кухню. У меня был план, и начинался он с мыла.

— Ганс, — я обнаружила повара у очага, где он яростно размешивал утреннюю кашу из ячменя. — Мне нужен весь пепел из очагов замка. Чистый, без углей. И котел, который вы не используете.

— Пепел, леди? — Ганс посмотрел на меня с выражением человека, который уже перестал удивляться, но еще не перестал бояться. — Зачем?

— Мы будем варить мыло, — я закатала рукава. — Настоящее мыло. Из пепла и жира.

— Мыло? — он произнес это слово так, будто я предложила ему поймать единорога. — Леди, мыло привозят из Марсея, оно стоит дороже серебра...

— Поэтому мы сделаем свое, — я вытащила из кармана свою записную табличку, на которой еще вчера нацарапала рецепт. — Слушай внимательно. Пепел заливаем кипятком и настаиваем полдня. Получается щелок — едкая жидкость, которая убивает заразу. Потом щелок смешиваем с растопленным жиром и варим, пока масса не загустеет. Это и есть мыло.

— Но зачем нам мыло, когда к нам идет армия? — Ганс недоуменно почесал затылок.

— Потому что армия Монфора может стоять под стенами неделю, Ганс. А за неделю без мыла в замке начнется эпидемия. Понос, лихорадка, гнойные раны. Я видела ваших солдат. Половина из них чешется так, будто у них блохи. Потому что у них блохи. И если мы не наведем чистоту, Монфору останется просто подождать, пока мы вымрем сами.

Ганс молчал, переваривая информацию. Потом молча пошел за пеплом.

Пока котел с будущим мылом булькал на медленном огне, распространяя по кухне жутковатый запах горелого сала и щелочи, я перешла ко второму пункту своего плана: фильтрация воды.

Колодец замка Астли был, мягко говоря, помойкой. Я вчера опустила туда ведро и обнаружила в воде такое количество мутной взвеси, что ее можно было бы использовать в качестве штукатурки. Пить это было равносильно самоубийству.

Я нашла пустую бочку, попросила кузнеца пробить в ее дне десяток мелких отверстий, а потом начала слоить: крупные камни, мелкий гравий, речной песок, который притащили с берега ручья, и сверху — толстый слой древесного угля.

— Что это, леди? — спросил Рольф, которого Джулиан приставил ко мне в качестве мускульной силы. Рыжебородый наемник таскал камни с выражением мученика, приговоренного к вечной каторге.

— Это фильтр, — объяснила я, утрамбовывая уголь. — Вода проходит через эти слои, и грязь остается внутри. На выходе — чистая вода, от которой не умирают.

— Колдовство? — Рольф подозрительно прищурился.

— Наука, — отрезала я. — Колдовство — это когда ваши солдаты пьют из лужи и удивляются, почему у них кишки наизнанку. Наука — это когда мы это предотвращаем.

Рольф хмыкнул, но больше не спорил. Видимо, авторитет Джулиана, стоявшего поодаль и наблюдавшего за процессом, действовал лучше любых аргументов.

Первая бочка фильтрованной воды появилась к полудню. Я набрала кружку, посмотрела на просвет — прозрачная, без мути, без запаха. Попробовала. Вода была холодной, свежей и настолько обычной, что я едва не расплакалась. Там, в моем мире, я покупала бутилированную воду, не задумываясь. Здесь чистый глоток был роскошью.

— Попробуйте, капитан, — я протянула кружку Джулиану.

Он отпил, и его брови поползли вверх.

— Чистая. Как из горного ручья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.